

УДК 821.161.1.09

ЧЕТЫРЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОРТРЕТА Л.Н. ТОЛСТОГО**Николаев Н.И., Васендин С.С.***Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Северодвинск, e-mail: nickolay.nick2012@yandex.ru*

В статье предлагается анализ литературных портретов Л.Н. Толстого, принадлежащих перу И.А. Бунина, М. Горького, Р. Роллана, С. Цвейга. По мнению авторов статьи, мифологизированный образ великого русского писателя складывается в период между его смертью (1910 г.) и празднованием его столетия (1928 г.). И именно этот мифологизированный образ сказался на характере его широко известных портретных зарисовок XX века. Общая для них установка – несомненное богоподобие Л.Н. Толстого. При этом европейские авторы (Р. Роллан, С. Цвейг) настаивают на его сходстве с библейским Моисеем, подчеркивая тем самым соединение в нем истинного стремления к божественному с древними, дикими порывами и необузданной чувственностью. Для М. Горького, принявшего эпоху революционных перемен, Толстой – это воплощение истинно справедливого начала в мире. Его богоподобие представляется ему очевидным и неоспоримым. И. Бунин, оценивший в эмиграции революционные перемены в России как катастрофу, увидел таящуюся под внешним обликом Толстого страшную бездну диких, животных страстей. А в философии писателя – языческое начало.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, литературный портрет, художественная оценка, поступок героя

FOUR LITERARY PORTRAIT OF L.N. TOLSTOY**Nikolaev N.I., Vasendin S.S.***Northern (Arctic) Federal University after n.a. M.V. Lomonosov,
Severodvinsk, e-mail: nickolay.nick2012@yandex.ru*

The article presents an analysis of literary portraits of L.N. Tolstoy, penned I.A. Bunin, M. Gorky, R. Rolland, S. Zweig. According to the authors, mythical image of the great Russian writer develops between his death (1910) and the celebration of his centenary (1928). And this mythical affect the nature of its well-known portrait sketches of the twentieth century. Common to these installation – undoubted likeness of L.N. Tolstoy. At the same time, European authors (R. Rolland, S. Zweig) insist on its similarity with the biblical Moses, thus emphasizing the connection it true desire for the divine with the ancient, wild gusts and unbridled sensuality. For Gorky, who took an era of revolutionary change, Tolstoy – is the embodiment of true justice in the beginning of the world. His likeness appears to him obvious and indisputable. Ivan Bunin, estimated at emigration revolutionary changes in Russia as a disaster, saw lurking under the outward appearance of Tolstoy terrible abyss of wild animal passions. And in the philosophy of the writer – a pagan beginning.

Keywords: L.N. Tolstoy, literary portrait, art appraisal, action hero

Л.Н. Толстой, несомненно, относится к наиболее значимым явлениям мировой литературы второй половины 19 – начала 20 столетия. Сегодня это утверждение не требует никакого доказательства. Однако его безусловность обнаружила себя не сразу. Скорее всего, осознание величия русского гения и его мирового наследия приходит в период, который можно обозначить двумя датами: смерть писателя (1910) и празднование его столетия (1928). Это время больших социальных потрясений, вобравшее в себя две великие русские революции, мировую и гражданскую войну. Надо полагать, именно в контексте этих грандиозных событий масштаб русского литературного гения начинает осознаваться с особой остротой. Оценки личности Л.Н. Толстого этого времени свидетельствуют скорее о зарождении толстовского мифа, через призму которого он начинает осознаваться как явление сакрального порядка.

«Жутко приближаться к Толстому – так он огромен и могуч; и в робком изумлении стоишь у подножия этой человеческой горы. Циклопическая постройка его духа подавляет исследователя» [2], отзывается о русском писателе известный литературовед Ю. Айхенвальд в 1913 году, через 3 года после его смерти.

«Л.Н. Толстой – колоссальное явление в истории русской политики. Он был первый свободный гений России; среди великих людей русской литературы, быть может, ему первому нечего замалчивать и нечего скрывать», – формирует свое видение писателя Алданов в 1923 году в мемуарной книге «Загадка Толстого» [1].

«Беседы Л.Н. производят всегда искреннее и глубокое впечатление: слушатель возбуждается до экстаза его горячим словом, силой убеждения и беспрекословно подчиняется ему», – пишет И. Репин в 1925 году [8].

Грандиозный по своим масштабам, свободный и независимый дух – вот что складывается из многочисленных суждений о Л.Н. Толстом, рожденных в эту эпоху активной мифологизации писателя. Несложно заметить, что в результате этой общей работы по воссозданию образа Л.Н. Толстого рождаются очертания, отвечающие единой характеристике – богоподобие. Именно эта оценка становится основополагающей в самых разных литературных портретах писателя этой эпохи, где, несмотря на различие трактовок, угадывается одна и та же установка – схватить, представить, осмыслить божественное начало в образе русского писателя.

Портретные зарисовки Л.Н. Толстого становятся актуальными сразу после его смерти как в русской, так и в европейской литературе.

«Светоч, который только что погас, был самым чистым из всех, которые сияли нашему поколению в его молодости», – высказался Ромен Роллан в своих мемуарах под названием «Жизнь Толстого» [10]. Как впоследствии заметила старшая дочь Л.Н. Толстого: «книжечка Романа Роллана – лучшее, что написано о моем отце» [7]. «В гении Толстого заключен гений нескольких человек: в нем живет великий художник, великий христианин, и вместе, с ними уживается существо необузданных страстей и инстинктов. Но, по мере того как движется жизнь и расширяются границы ее царства, начинаешь яснее видеть то, что управляет ею, – это свободный разум. Свободному разуму хочу я воздать здесь хвалу. Потому что именно в нем нуждаемся мы теперь больше всего» [9].

Явный диссонанс ощущается в одновременном сосуществовании «великого христианина» и носителя «необузданных страстей». Впрочем, Р. Роллан, пытаясь объяснить для себя это сочетание несочетаемого, находит объединяющую их формулу «свободный разум». Собственно, в литературном портрете из книги «Жизни великих людей» эта противоречивость Л.Н. Толстого предстает для Р. Роллана всего лишь этапами его биографии: «Широкий лоб, пересеченный двумя морщинами, мохнатые седые брови, борода патриарха, напоминающая Моисея из Дижонского собора. В старости лицо смягчилось, стало ласковее, на нем видны следы болезней, горя, истинная доброта. Как не похоже оно на грубо-чувственное лицо двадцатилетнего Толстого, а также на Толстого времени обороны Севастополя, с лицом суровым и даже как бы надутым. Но ясные глаза смотрят все так же проникновенно и пристально, в них все

та же честность, которая ничего не скрывает и от которой ничего не скроется» [10]. Для Р. Роллана Толстой, несомненно, велик в своем стремлении, но отнюдь не совершенен в своей данности. И этот посыл, очевидно, ощущается в его характеристике: «Даже впадая в тяжкие свои заблуждения, Толстой не теряет способности ясно видеть свои поступки и строго судить о них» [10]. «Тяжкие заблуждения» невозможно связать с божественным началом. Они несовместимы, но Р. Роллан угадывает, находит это соединение в образе, на сходство Л.Н. Толстого с которым он прямо указывает – это библейский Моисей.

Это сходство будет скоро (в контексте юбилейных оценок) увидено и акцентировано другим авторитетным европейским писателем, С. Цвейгом: «Его лицо – лесная чаща: зарослей больше, чем лужаек, и это не дает возможности заглянуть вглубь. Его развевающаяся по ветру патриархальная борода широким потоком разливается по щекам, на десятилетия пряча чувственные губы и покрывая коричневую, одеревенелую, как кора, кожу. Перед лбом, точно корни деревьев, – кустарники всклокоченных могучих бровей, над челом волнуется серебристое море – беспокойная пена густых беспорядочных прядей; повсюду с тропической пышностью плодится и путается первобытная, стихийно заполняющая все растительность. Как и в лице «Моисея» Микеланджело, в этом образе наимужественнейшего мужа, в лице Толстого нашим взорам открывается сперва лишь белая пенящаяся волна огромной бороды» [11]. У С. Цвейга в его сопоставлении Толстого с библейским Моисеем гораздо более четко и сознательно воплощается оценка, которая интуитивно, в первом приближении, намечена в тексте Р. Ролланом. Внешний облик в портрете Цвейга скорее находит нечто чрезвычайно важное, таящееся в глубинах души его героя. То, что, видимо, определяет его близость к истинно-божественному, сакральному. А на поверхности черты древней дикости и необузданности, воплощенные в описаниях растительности его лица.

Сходство с библейским Моисеем, рождающееся в сознании европейских авторов, вероятно, нацелено на то, чтобы оттенить в нем глубокую причастность, стремление к божественным истинам, одновременно подчеркивая то, что все это присутствует в нем в первоначальных, зачаточных формах, соединяется с древними, дикими порывами и откровенной чувственностью.

Напомним, что библейский Моисей умирает в канун обретения земли обетованной. Его жизненный путь – это длинная дорога

исканий. А до явления Христа еще очень далеко. Стремление к божественной истине, а не обладание ею ощущается в фантазиях С. Цвейга о Толстом: «На ночном столике лежит маленький дневник, связующий его с Богом, но лихорадочные руки уже не владеют карандашом. И он с прерывающимся дыханием угасающим голосом диктует дочери свои последние мысли, называет Бога «той безграничной вселенной, от которой человек чувствует себя ограниченным, его откровением в материи, во времени и пространстве» и проповедует, что соединение этих земных созданий с жизнью других существ совершается лишь любовью. За два дня до смерти он еще раз напрягает свои чувства, чтобы постигнуть высшую, недостижимую истину. Только после этого мрак постепенно опускается на этот сияющий мозг» [11].

Иные смысловые оттенки ощущаются в портретах русских современников Р. Роллана и С. Цвейга. Мы говорим о блестящих портретах Бунина и Горького, один из которых связал свою судьбу с советской Россией, а другой оказался выразителем духовных чаяний первой волны русской эмиграции. Тесная связь между Толстым и Буниным почти единодушно признается исследователями и подтверждается признанием самого Бунина, который говорил: «никогда во мне не было восхищения ни перед кем, кроме только Л. Толстого» [12].

«Толстой для Бунина был своего рода легендой, он еще в детстве узнал о нем из домашних разговоров. Образ Толстого прорисовывается как «некоторое представление», которое сформировалось у Бунина-ребенка. Мы узнаем об особом отношении автора к нему, «восторженном удивлении», о том, что Бунин «чуть не с детства жил в восхищении им», «выделил его из прочих», «был по-настоящему влюблен в него», в им самим созданный образ, который «томил... мечтой увидеть его наяву» [5].

Фигура Толстого в видении Бунина была настолько велика, что зачастую он обожествлял её, сравнивая с фигурой Христа и Будды. Колоссальную мощь личности Толстого Бунин видел в его умении преодолеть, прежде всего, самого себя, в обретении внутренней свободы, «освобождении», что позволило встать в один ряд с великими мудрецами и проповедниками. Толстой Бунина правдоподобен, прост и в этой простоте величав. Стремление к потере «особенности», нежелание выделяться среди окружающего мира и тайная радость потери ее – основная толстовская черта. В своей книге Бунин говорит о Толстом: «Он очень близок мне не только как художник и великий поэт,

но и как религиозная душа» [3]. Толстой для Бунина – редкий, «вырождающийся» тип человека, обладатель «прапамяти», острой наблюдательности, выразитель трагизма, скрытого для многих, но неустанно мучащего людей, с обостренным чувством «Всебытия». «Простота и царственность, внутреннее изящество и утонченность манер сливались у Толстого воедино. В рукопожатии его, в полужесте, которым он просил собеседника сесть, в том, как он слушал, во всем было гран-сеньерство. У Толстого его гран-сеньерство составляло органическую часть его самого, и если бы меня спросили, кто самый светский человек, встреченный мной в жизни, то я назвал бы Толстого. Таков он был в обыкновенной беседе. Но чуть дело касалось мало-мальски серьезного, как этот гран-сеньер давал чувствовать свою вулканическую душу. Глаза его, трудно определимого цвета, вдруг становились синими, черными, серыми, карими, переливались всеми цветами» – вспоминает Бунин [3].

«Волчьи глаза» – это не верно, но это выражает резкость впечатления от его глаз: их необычностью он действовал на всех и всегда, с молодости до старости (равно как и особенностью своей улыбки). Кроме того, что-то волчье в них могло казаться, – он иногда смотрел исподлобья, упорно» [3].

Диссонанс усиливается. Культура, цивилизация, наложившие отпечаток на внешний образ Толстого («гран-сеньерство»), лишь скрывают в нем дикое, разрушительное, звериное лицо («волчьи глаза»). Даже его «религиозность», которая так разнит его с И. Буниным, несет в себе оттенок чего-то восходящего к глубокой древности («обладатель памяти»). В ней есть оттенок язычества.

Темное, бунтарское начало исподволь изображается в бунинском Толстом. Это то, что, несомненно, пугает читателя, так тяжело пережившего потрясения русской революции. Именно эта страшная бездна угадывается в образе его Толстого. Заметим разность расстановок смысловых акцентов: для С. Цвейга в диком образе Толстого скрывается истинно духовное стремящееся к Богу начало. У Бунина периода его эмиграции то, что скрывалось под внешним обликом Толстого, являет собой дикое, страшное, животное, языческое начало.

При значительных внешних сходствах, горьковский портрет Толстого (очерк «Лев Толстой») значительно отличается от бунинского. Его герой мечтательный, внутренне противоречивый. В многочисленных записках Горький обращает внимание на статность, величественность умудренного опытом писателя, как и Бунин, отождествляет

его с высшей силой. «У него удивительные руки – некрасивые, узловатые от расширенных вен и все-таки исполненные особой выразительности и творческой силы. Вероятно, такие руки были у Леонардо да Винчи. Такими руками можно делать все. Иногда, разговаривая, он шевелит пальцами, постепенно сжимает их в кулак, потом вдруг раскрывает его и одновременно произнесет хорошее, полновесное слово. Он похож на бога, не на Саваофа или олимпийца, а на такого русского бога, который «сидит на кленовом престоле под золотой липой» и хотя не очень величественен, но, может быть, хитрей всех других богов. Именно мысль о Боге заметно чаще других точит его сердце. Иногда кажется, что это и не мысль, а напряженное сопротивление чему-то, что он чувствует над собою» [4].

Внутренняя целостность и богоподобие – вот главная оценка, которую несут в себе портретные зарисовки М. Горького. Его Толстой проникает в самую суть бытия, владея таким знанием, которое недоступно другим.

Четыре литературных портрета Л.Н. Толстого, созданных очень яркими писателями XX столетия, несут в себе очевидные черты сходства, но и столь же очевидные различия. Все они как бы отвечают на доминирующий в первой половине XX века тезис о внеземном, божественном смысле самого факта явления Толстого в мир. Но при этом одни настаивают на архаичности его сакральных устремлений (Цвейг, Роллан), другие – на страшных и темных силах, таящихся в глубинах его исканий (И. Бунин). Для М. Горького Толстой это и есть истинное воплощение справедливого и божественного.

Каждый из четырех портретов Л.Н. Толстого предлагает читателю по-своему оценить жизнь писателя как его поступок в контексте больших исторических событий [6].

Список литературы

1. Алданов М.А. Загадка Толстого. Картины Октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников Толстого. – СПб.: 1999. – С. 333–418.
2. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. – М.: Республика, 1994. – 591 с.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6-ти т. / И.А. Бунин. Т. 6: Освобождение Толстого; О Чехове; Воспоминания; Дневники; Статьи. – М.: Худож. лит., 1988. – 712 с.
4. Горький М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы: сборник. – М.: Худож. лит., 1975. – 592 с.

5. Ли Н.И. Литературный портрет Льва Толстого (на материале «Воспоминаний» И.А. Бунина). – М.: Мир русского слова, 2004. – № 4. – С. 72–75.

6. Николаев Н.И. Литературный герой в мире его поступка // Дискуссия. – 2012. – № 3. – С. 173–176.

7. Полнер Т. О Толстом. Клочки воспоминаний // Современные записки. – 1920. – Кн. 1. – С. 107–124.

8. Репин И.Е. О графе Л.Н. Толстом. Литература русского зарубежья // Антология в шести томах. – Т. 1. – Кн. 2. – М.: Книга, 1990.

9. Роллан Р. Предтечи. Толстой – свободный мыслитель. [Электронный Ресурс]. URL: http://www.belousenko.com/books/rolland/rolland_1916-19.htm.

10. Роллан Р. Жизни великих людей: пер. с фр. – Ер.: Айастан, 1987. – 408 с.

11. Цвейг С. Три певца своей жизни: Казанова. Стендаль. Толстой / пер. с нем. – М.: Республика, 1992.

12. Щербенок А. Деконструкция и классическая русская литература: от риторики текста к риторике истории. – М.: НЛО, 2005. – 232 с.

References

1. Aldanov M.A. Zagadka Tolstogo. Kartiny Oktjabrskoj revoljucii. Istoricheskie portrety. Portrety sovremennikov Tolstogo. SPb.: 1999. pp. 333–418.
2. Ajhenvald Ju.I. Silujety russkich pisatelej. M.: Respublika, 1994. 591 p.
3. Bunin I. A. Sobraie sochinenij: v 6-ti t., I. A. Bunin. T. 6: Osvobozhdenie Tolstogo; O Chehove; Vospominanija; Dnevnik; Stati. M.: Hudozh. lit., 1988. 712 p.
4. Gorkij M. Rasskazy. Ocherki. Vospominanija. Pesy: sbornik M.: Hudozh. lit., 1975. 592 p.
5. Li N.I. Literaturnyj portret Lva Tolstogo (na materiale «Vospominanij» I.A. Bunina). Mir russkogo slova. M.: 2004. no.4. pp. 72–75.
6. Nikolaev N.I. Literaturnyj geroj v mire ego postupka, Diskussija. 2012. no. 3. pp. 173–176.
7. Polner T. O Tolstom. Klochki vospominanij, Sovremennye zapiski. 1920. Kn. 1. pp. 107–124.
8. Repin I.E. O grafe L.N. Tolstom. Literatura russkogo zarubezhja. Antologija v shesti tomah. T. 1. Kn. 2. M.: Kniga, 1990.
9. Rollan R. Predtechi. Tolstoj svobodnyj myslitel. Available at : http://www.belousenko.com/books/rolland/rolland_1916-19.htm.
10. Rollan R. Zhizni velikih ljudej. Per. s fr. Er.: Ajastan, 1987. 408 p.
11. Cvejg S. Tri pevca svoej zhizni: Kazanova. Stendal. Tolstoj, Perevod s nemeckogo. M.: Respublika, 1992.
12. Shherbenok A. Dekonstrukcija i klassicheskaja russkaja literatura: ot ritoriki teksta k ritorike istorii. M.: NLO, 2005. 232 p.

Рецензенты:

Лошаков А.Г., д.фил.н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Северодвинск;
Есюков А.И., д.ф.н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Северодвинск.
Работа поступила в редакцию 27.12.2014.